

© 2002 г. И.М. БОГУСЛАВСКИЙ

"САНДХИ" В СИНТАКСИСЕ: ЗАГАДКА УЖЕ НЕ

1. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ¹

Отправной точкой для этой работы послужил один задевший меня пример. В "Медном всаднике" Пушкина есть такие строки:

- (1) *Он также думал, что погода
Не унималась; что река
Все прибывала; что едва ли
С Невы мостов уже не сняли,
И что с Парашей будет он
Дни на два, на три разлучен.*

Этот фрагмент звучит настолько гладко, что не сразу замечаешь, что в нем есть нечто необычное. Мысль Пушкина совершенно ясна: герой считал, что мосты через Неву, скорее всего, уже сняты. Странность этого примера связана, очевидным образом, со словом *уже*. В современном языке построения типа (2) невозможны.

- (2) **Едва ли с Невы уже не сняли мостов.*

Они невозможны не только в русском, но и в других языках. Во всяком случае, вряд ли является случайностью, что ни один из переводов "Медного всадника" на другие языки, которые нам удалось отыскать, не содержит в соответствующем месте выражения 'уже не':

нем. *Er dachte, dass des Wetters Miene
Noch immer drohend; dass die Flut
Noch stiege; dass bei solchen Wogen
Man wohl die Brücken aufgezogen,
Und dass er zwei, drei Tag lang nicht
Mehr sah Parashas Angesicht.*

(Перевод Й. фон Гюнтер);

англ. *...That he had been
A clerk for two years; he also thought the weather
Was not becoming any calmer; that
The river was still rising; as like as not,
The bridges on the Neva have been raised,
And for two or three days he would be cut off
From Parasha.*

(Перевод Д. Томас);

¹ Работа была подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант 01-07-90405.

франц. *Et de même, il pensait que le mauvais temps
Ne se calmait pas; que le fleuve
Montait toujours; que c'était de justesse
Que l'on avait pas encore enlevé les ponts de la Néva
Et qu'il sera séparé de Parasha
Pour deux ou bien trois jours.*
(Перевод Г. Жуен);

итал. *Pensava anche che il tempo
Non si calmava; che il fiume
Cresceva sempre; che era ben difficile
Non avessero già levato i ponti
E che lui resterebbe da Parascia
Separato per due, per tre giorni.*
(Перевод Т. Ландолфи);

польск. *I myślał jeszcze o tej burzy,
Wstuchany w zawieruchę złą;
O tym, że wzbiera rzeka wzdęta,
Że już z niej pewno mosty zdjęto
I że przez dwa, trzy dni nużące
Będzie z Paraszą swą w rozłąctwie.*
(Перевод Ю. Тувима);

чешск. *Že slouží jen dva roky; škoda
je taky, – myslil, – nepohoda,
že přestat nechce: tyto dny
povodeň stále stoupá: mosty
přes Něvu brzy stáhnou; k zlosti –
tak neužít dva, tři dny teď
Parašu – zatraceny svět!*
(Перевод Б. Матезиуса).

Чтобы выразить нужное значение по-русски, мы должны были бы вместо **уже** употребить *еще*:

(3) *Едва ли с Невы еще не сняли мостов.*

Употребление *еще* вместо *уже* под отрицанием является очень строгим правилом русского языка, и нет оснований считать, что дело обстояло иначе во времена Пушкина. Если мы хотим подвергнуть отрицанию суждение с *уже*, например, *Ребенок уже заснул*, мы категорически не можем просто ввести в предложение частицу *не*. Мы обязаны при этом заменить *уже* на *еще*:

(4а) **Ребенок уже не заснул.*

(4б) *Ребенок еще не заснул.*

Тогда возникает следующий интригующий вопрос: как интерпретировать сочетание *уже не* в пушкинском тексте? Действительно ли в (1) нарушена столь строгая закономерность, и если да, то почему пушкинские строки не режут современное ухо, а производят впечатление лишь некоторой необычности? Попытка ответить на этот вопрос позволит нам посмотреть на обнаруженное явление в более широкой перспективе и провести некоторые аналогии.

2. "УЖЕ", "ЕЩЕ" И ОТРИЦАНИЕ

Как мы видели, интересующее нас употребление слова *уже* затрагивает область, охватываемую частицей *еще*. С другой стороны, непосредственное отношение к делу имеет и отрицание. Поэтому предварительно следует остановиться на том, как соотносятся слова *уже*, *еще* и *не* [Богуславский 1996: 255–302]. Интересные взаимоотношения значений типа *уже* и *еще* с отрицанием были замечены давно и на материале разных языков. Эти слова не являются антонимами в строгом смысле слова. Как известно, два основных типа антонимии тесно связаны с отрицанием [Апресян 1974]. Антонимы I рода строятся на так называемом внешнем отрицании ($P - \text{не } P$), например: *присутствовать* – *отсутствовать* ('не присутствовать'), *мокрый* ('содержащий влагу') – *сухой* ('не содержащий влаги'). Различие между антонимами II рода сводится к внутреннему отрицанию ($P - P \text{ не}$), например: *начать* – *кончить* ('начать не'), *приклеить* ('контакт начал иметь место') – *отклеить* ('контакт начал не иметь места'). Слова типа *уже* и *еще* демонстрируют смешанный тип соотношения. Они различаются одновременно и на внешнее, и на внутреннее отрицание.

(5а) *Он уже спит* = 'неверно, что он еще не спит'.

(5б) *Он еще спит* = 'неверно, что он уже не спит'.

(6а) *неверно, что уже P = еще не P*.

(6б) *неверно, что еще P = уже не P*.

Такой тип соотношения значений называется двойственным, или дуальным. Именно так соотносятся, например, слова *требовать* – *разрешать*, *возможно* – *обязательно*, *можно* – *обязан*, *все* – *некоторые* и др. [Падучева 1990: 355]:

(7а) *требовать* ('не разрешать не') – *разрешать* ('не требовать не').

(7б) *возможно* ('не обязательно не') – *обязательно* ('невозможно не').

(7в) *можно* ('не обязан не') – *обязан* ('не можно не').

(7г) *все* ('не существуют такие, которые не') – *некоторые* ('не все такие, которые не')².

Соотношение между словами *еще* и *уже* можно наглядно представить следующим образом. Изобразим с помощью Таблицы 1 связи, соответствующие внешнему и внутреннему отрицанию, отталкиваясь, например, от слова *уже*. Пусть клетки, соседствующие по вертикалям, соотносятся по типу внешнего отрицания, а соседствующие по горизонтали – по типу внутреннего:

Таблица 1

		внутреннее отрицание →	
внешнее отрицание ↓	'уже P'	'уже (не P)'	
	'не (уже P)'	'не (уже (не P))'	

² Соотношения (7а)–(7г) не подразумевают, что слова в указанных парах должны лексикографически толковаться друг через друга. Речь здесь идет только о логической эквивалентности двойственных слов, которая возникает, если к одному из них добавить внешнее и внутреннее отрицание.

Теперь, пользуясь соотношениями (6а) и (6б), впишем в левую верхнюю и правую нижнюю клетки таблицы значения 'не (еще (не Р))' и 'еще Р', синонимичные тем выражениям, которые в этих клетках уже есть. После этого не составит труда выразить содержание и двух остальных клеток с помощью отрицания и 'еще'. В результате получается Таблица 2.

Таблица 2

'уже Р' 'не (еще (не Р))'	'уже (не Р)' 'не (еще Р)'
'не (уже Р)' 'еще (не Р)'	'не (уже (не Р))' 'еще Р'

Эта схема, безусловно, упрощает реальные семантические связи между *уже* и *еще*. В частности, она совершенно не учитывает содержащихся в их значениях модальных рамок – ожиданий говорящего. Серьезной критике эта схема ("квадрат Лебнера") подверглась в работе [van der Auwera 1993]. Тем не менее, она полезна тем, что наглядно изображает соотношение ядерных компонентов значения *уже* и *еще* и их связь с другими словами, описывающими ту же семантическую область.

Как видно из Таблицы 2, для каждого из четырех значений априори имеется по два варианта его выражения – с помощью *уже* и *еще*. Однако фактически ни в одном из большого количества языков, обследованных с этой точки зрения, не обнаружено случая, чтобы хотя бы одно из четырех значений выражалось с помощью обоих вариантов [van der Auwera 1998; van Baar 1997]. Можно сделать и более сильное утверждение: крайне редко встречаются языки, в которых реализована хотя бы одна из семантических структур с внешним отрицанием ('не (еще Р)', 'не (уже Р)', 'не (еще (не Р))', 'не (уже (не Р))'). Точнее говоря, если первая из перечисленных структур, хоть и крайне редко, но все же встречается, то остальные структуры практически не засвидетельствованы.

Это, конечно, не значит, что указанные отрицательные идеи в принципе не выражаются. Это значит лишь то, что для передачи каждой из них используются выражения, не содержащие внешнего отрицания. Например, если в некотором языке возможны предложения, в которых есть и отрицание 'не', и слово со значением 'еще', то это будет соответствовать семантической структуре 'еще не', но никак не 'не еще'. Скажем, в русском языке предложение (8) имеет семантическую структуру (8а), но не (8б):

- (8) *Он не спит еще*
 (8а) 'еще (он не спит)';
 (8б) 'не (он еще спит)'.

Последнее значение должно выражаться, например, с помощью слова *уже*.

- (9) *Он уже не спит.*

Таким образом, слова со значением 'еще' и 'уже' не могут входить в сферу действия отрицания (если иметь в виду обычное грамматическое отрицание, а не отрицательные предикативные перифразы типа *неверно, что*), и это является их глубоким внутренним свойством, постоянным для большого числа языков. Нам представляется, что эта ингерентная неотрицаемость обусловлена тем, что значения 'еще' и 'уже' не содержат ассерции и насыщены ожиданиями говорящего, а это всегда является препятствием для вхождения в сферу действия грамматического отрицания. С учетом этого наблюдения можно упростить Таблицу 2, изъяв из нее все варианты с внешним отрицанием. В результате получится Таблица 3.

Таблица 3

'уже P'	'уже (не P)'
'еще (не P)'	'еще P'

В разных языках эта таблица заполняется разными лексическими единицами, не обязательно совпадающими со словами со значениями 'еще' или 'уже'. Например, в немецком языке значение 'уже не' передается сочетанием *nicht mehr*, в которое не входит ни слово *schon* 'уже', ни слово *noch* 'еще'.

Таблица 4

<i>schon P</i>	<i>nicht mehr P</i>
<i>noch nicht P</i>	<i>noch P</i>

В английском языке для всех четырех клеток используются разные слова.

Таблица 5

<i>already P</i>	<i>no more P / no longer P</i>
<i>not yet P</i>	<i>still P</i>

При всем возможном разнообразии лексического заполнения Таблицы 3 в разных языках, для русского оно является почти тривиальным. Лексикализацию Таблицы 3 для русского языка можно в значительной степени представить просто как замену семантических единиц 'не', 'еще', 'уже' соответствующими русскими словами *не*, *еще*, *уже* (см. Таблицу 6).

Таблица 6

<i>уже P</i>	<i>уже не P / больше не P</i>
<i>еще не P</i>	<i>еще P</i>

Единственным исключением является наличие двух вариантов в правом верхнем углу таблицы, соответствующем внешнему отрицанию *еще* или внутреннему отрицанию *уже*. Это значение передается в русском языке либо непосредственно сочетанием *уже не*, либо сочетанием *больше не*. Предложения (10а) и (10б) показывают, что эти сочетания очень близки по смыслу:

- (10а) *Иван здесь уже не работает.*
 (10б) *Иван здесь больше не работает.*

В обоих предложениях сообщается, что Иван здесь не работает, **хотя раньше работал**. Впрочем, более внимательное рассмотрение позволяет обнаружить между этими выражениями несколько интересных различий; ср., например:

- (11а) *Заходи, я уже не сплю.*
 (11б) **Заходи, я больше не сплю.*
 (12а) *Простите, я больше так не буду.*
 (12б) **Простите, я уже так не буду.*

Подробнее об этом см. в [Богуславский 1996: 292–299].

Для дальнейших рассуждений нам понадобится точнее представить себе значение слов *уже* и *еще* в интересующем нас круге употреблений. В первом приближении можно сказать, что слово *уже* вносит значение наступления некоторого события раньше, чем его можно было ожидать. Так, в предложении

(13) *Уже зовет меня могила* (Пушкин. Руслан и Людмила)

сообщается, что имеет место ситуация 'меня зовет могила', раньше она не имела места, и можно было ожидать, что и сейчас она не будет **иметь места**. Значение частицы *уже* можно задать в виде следующего толкования:

- (14) *уже* (P, t) = 'до некоторого момента ситуация P не имела места; можно было ожидать, что в момент t она будет продолжать не иметь места; ситуация P начала иметь место в момент t' , предшествующий t , и сохраняется в t' '.

Ситуация P , к которой относится частица *уже*, может быть и отрицательной. В этом случае, естественно, речь идет о том, что до некоторого момента нечто имело место, а потом прекратилось. Например, в (15) речь идет о том, что раньше соседи осмеливались воевать, а начиная с некоторого момента не осмеливаются.

- (15) *И соседи присмирели,
Воевать уже не смели.*
(Пушкин. Сказка о золотом петушке).

Таким образом, значение сочетания *уже не P* закономерно выводится из значений *уже* и *не P*. Огрубленно его можно перифразировать как 'раньше P, а сейчас не P'.

Частица *еще*, напротив, вносит значение сохранения прежнего состояния дольше, чем этого можно было ожидать:

- (16) *Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.*
(Пушкин. Руслан и Людмила).

Указанные прототипические значения слов *уже* и *еще* мотивируют их разную сочетаемость с совершенным и несовершенным видом. *Уже* говорит о том, что произошло новое событие, и поэтому идеальный контекст для *уже* – глагол совершенного вида. *Еще* вводит идею сохранения состояния и поэтому лучше всего сочетается с несовершенным видом. Сочетания *еще* (в данном значении) с совершенным видом невозможны: *Он еще пришел. Сочетания *уже* с несовершенным видом возможны, но предполагают переинтерпретацию. Когда *уже* сочетается с обозначением длящейся ситуации, оно фиксирует точку начала этой ситуации (ср. компонент 'ситуация P начала иметь место' в толковании (14)) и тем самым превращает такую ситуацию в событие: *уже спит* $\approx$ *уже заснул*.

Отдельно следует рассмотреть, что происходит при добавлении к глаголу отрицания. Присоединение отрицания к глаголу несовершенного вида не меняет его сочетаемости с *уже* и *еще*. *Еще не спит* – продолжает длиться состояние бодрствования; *уже не спит* – прекратилось состояние 'не спит' и значит произошло новое событие (*уже не спит* $\approx$ *уже проснулся*). Если же отрицание добавлено к глаголу совершенного вида, то такое сочетание можно мыслить как обозначение длящейся ситуации: *еще не заснул* $\approx$ 'продолжает длиться состояние бодрствования'. Между тем, сочетание совершенного вида с отрицанием с трудом может интерпретироваться как событие и поэтому плохо сочетается с *уже*: ²²*Он уже не пришел*. По этой причине такие сочетания не допускают точечных обстоятельств времени: ²²*В десять часов вечера он не заснул*³. Это связано с тем, что выражение, обозначающее событие, должно

³ Мы имеем в виду, естественно, ту интерпретацию этого предложения, при которой в сферу действия обстоятельства времени попадает сочетание глагола с отрицанием. Предложение становится допустимым (при соответствующей интонации) относительно значения 'засыпания в десять часов вечера не имело места', но в этом случае отрицание находится вне сферы действия обстоятельства времени.

фиксировать точку начала нового состояния, а отрицательное сочетание типа *не заснул* такой способностью не обладает. Впрочем, существует один специальный класс предложений, допускающий сочетание *уже* с отрицанием глагола совершенного вида:

(17) *Иван уже не придет: слишком поздно.*

В подобных предложениях *уже* употреблено в несколько другом значении и имеет особую сферу действия, отличающуюся от обычной. В нормальном случае событие, наступление которого сигнализирует *уже*, выражается глагольной группой, при которой слово *уже* стоит. Так, в предложении (15) эту роль выполняет группа *не смели* (раньше смели, а теперь не смеют). В предложении (17) событие, которое маркирует *уже*, состоит не в том, что Иван не придет, а в том, что появилась возможность это утверждать: 'обстоятельства изменились таким образом, что уже можно утверждать, что Иван не придет'.

Обратим внимание на парадоксальное поведение *уже* по отношению к будущему времени в примере (17). Для этого сравним (17) с (18).

(18) *В это время Иван уже не будет спать (проснется).*

В (18) *уже* задает некоторую точку в будущем, к которой относится новое событие – 'Иван проснулся'. В (17) ни о каком событии в будущем речь не идет. Событие в сущности уже произошло: обстоятельства изменились, и поэтому появилась возможность нечто утверждать. Итак, частица *уже* присоединена к глаголу в будущем времени, а семантически характеризуется уже произошедшее событие. В этом отношении пример (17) сходен с предложениями типа *Я ждал тебя завтра, а ты пришел сегодня*. Здесь наречие *завтра*, характеризующее событие в будущем, синтаксически связано с глаголом в прошедшем времени, но аномалии при этом не возникает. Причина этого также кроется в нетривиальной сфере действия. Граммема времени воздействует в значении глагола *ждать* на ассертивный компонент 'находиться в определенном состоянии': *ждал* – находился в состоянии ожидания. *буду ждать* – буду находиться в состоянии ожидания. А темпоральное наречие характеризует другой компонент – ситуацию, наступление которой ожидается: 'я находился в состоянии ожидания того, что ты придешь завтра' (подробнее об этом см. [Богуславский 1990; 1996: 100–116]).

Изучив значение и поведение сочетания частицы *уже* с отрицанием, вернемся к пушкинскому примеру.

3. РАЗБОР ПРИМЕРА (1)

Очевидно, что в пушкинском тексте (1) сочетание *уже не* осмысляется и ведет себя совсем не так, как в примерах, обсуждавшихся выше. В самом деле, если бы сочетание *уже не* в примере (1) интерпретировалось стандартным образом – как это предполагается правой верхней клеткой Таблицы 6 [см. пример (15)] то (1) означало бы, что до какого-то момента мосты снимали, а после этого момента снимать перестали (ср. *Мосты уже не снимают*). Ясно, что в (1) имеется в виду совершенно другая ситуация. В соответствии с этим контекст (1) категорически не допускает замены *уже не* на *больше не*, не говоря уже о том, что в (1) сочетание *уже не* присоединено к форме прошедшего времени совершенного вида, что, как отмечалось выше, при стандартной интерпретации невозможно. Если бы предложение (1) интерпретировалось по образцу предложения (17), который допускает сочетание *уже не* с глаголом совершенного вида, то и в этом случае значение (1) должно было бы быть другим. Предложение *С Невы мостов уже не сняли* при такой интерпретации значило бы, что

до момента наблюдения ожидалось, что мосты снимут, но обстоятельства изменились так, что сейчас уже можно утверждать, что этого не произойдет.

Попробуем понять, как в действительности построен пример (1). Для этого мы сопоставим интересующий нас фрагмент предложения (1), который мы уже представляли выше в виде (2), с его перифразой с помощью наречия *скорее всего*:

(2) **Едва ли с Невы уже не сняли мостов.*

(19) *Скорее всего, с Невы мосты уже сняли.*

По отношению к наречию *скорее всего* наречие *едва ли* (так же, как и его близкий, но более употребительный синоним *вряд ли*) является антонимом второго рода (см. о типах антонимии в начале раздела 2):

(20а) *скорее всего, P = вряд ли (едва ли) не P.*

(20б) *скорее всего, не P = вряд ли (едва ли) P.*

В этих перифразировках сферой действия отрицательной частицы служит утверждение *P*. Поскольку предложения (2) и (19) соотносятся по правилу (20а), то мы приходим к выводу о том, что в (2) в сферу действия отрицания попадает утверждение *С Невы уже сняли мосты*. Более эксплицитно значение предложения (2) можно представить так:

(21) 'едва ли неверно (= скорее всего, верно), что с Невы мосты уже сняли'.

Таким образом, мы пришли к неожиданному результату: в пушкинском тексте соотношение сфер действия слов *уже* и *не* подчиняется не обычному правилу, согласно которому отрицание находится в сфере действия *уже* ('уже (не P)'), а обратному, при котором *уже* находится в сфере действия отрицания ('не (уже P)'). Этот факт удивителен по нескольким причинам.

Во-первых, такому положению дел противоречит само расположение отрицательной частицы во фразе. Если некоторый адвербиал находится в сфере действия отрицательной частицы, то он, как правило, не может стоять левее нее. Например, *очень не* ни при каких обстоятельствах не может осмысляться как *не очень*. Правда, некоторые адвербиалы, входящие в сферу действия отрицания, могут выноситься в позицию левее отрицания, например:

(22) *Этот вопрос специально не изучался* = 'не имело места специальное изучение этого вопроса'.

Однако при таком вынесении адвербиал должен маркироваться восходящей интонацией. В противном случае отрицание само входит в сферу действия адвербиала, что в примере (22) соответствует значению 'имел место специальный отказ от изучения этого вопроса'.

Во-вторых, как отмечалось выше, значение 'не (уже P)' не может выражаться в русском языке с помощью сочетания частиц *не* и *уже* и требует замены *уже* на *еще* (ср. Таблицы 2 и 6). Например, в-третьих, подобная ситуация практически не имеет прецедента в типологическом плане. Поясним, что мы имеем здесь в виду.

Способы выражения значений типа 'уже' и 'еще' в типологической перспективе изучены достаточно хорошо. Наибольшее внимание интересующей нас проблеме было уделено в работах Й. ван дер Ауверы и Т. ван Баара [van der Auwera 1993; 1998; van Baar 1997]. Й. ван дер Аувера обследовал более 90 языков, принадлежащих, в первую очередь, европейскому языковому ареалу. Т. ван Баар сформировал свою выборку языков не по географическому, а по генетическому принципу. Он отобрал 40 языков, представляющих самые разные языковые группы. Таким образом, в совокупности собранный материал может считаться типологически весьма представительным. Оба исследователя приходят к одному и тому же выводу: значение 'не

(уже P)' практически никогда не выражается с помощью слов, обозначающих 'не' и 'уже'. Потенциальными исключениями можно считать лишь классический ацтекский (или, наутль, принадлежащий тано-ацтекской семье индейских языков), язык фони (нигероконголезская семья) и язык баузи, на котором говорят в Полинезии [van der Auwera 1998: 55; van Baar 1977: 82], с той, однако, оговоркой, что имеется слишком мало данных, чтобы судить о чистоте значения 'уже' в этих языках.

4. ЧТО ДАЛЬШЕ?

Все вышеизложенное автор однажды рассказал на пушкиноведческом симпозиуме и заключил этот рассказ моралью: до чего же велик Пушкин! Он делает с языком что хочет, и что бы он ни сделал, получается хорошо. Он может себе позволить то, что недопустимо не только в русском, но и ни в каком другом языке. Он идет наперекор глубинным закономерностям языка, которые имеют очень основательную типологическую поддержку, и мы этого даже не замечаем. Если бы дело ограничивалось этим, то нам оставалось бы только признать отрывок из "Медного всадника" необъяснимым капризом гения и развести руками. Однако, как предположила присутствовавшая на симпозиуме Н.Д. Арутюнова и подтвердили наши дальнейшие изыскания, нечто подобное можно найти и в современном русском языке. Один из типов подобных предложений можно проиллюстрировать предложением (23а), которое можно произнести в той же ситуации, что и (23б):

(23а) *Я не уверен, что она этого уже не разболтала.*

(23б) *Я не уверен, что она этого еще не разболтала.*

Очевидно, что в (23а) сочетание *уже не* осмысливается в точности так же, как и в пушкинском примере. Это ясно и само по себе, но в этом можно убедиться и с помощью синонимических перифраз. Во-первых, для предиката *уверен* существует двойственный ему (в смысле раздела 2) предикат – *допускать*:

(24а) *Я уверен, что P ≈ Я не допускаю, что не P.*

(24б) *Я не уверен, что не P ≈ Я допускаю, что P.*

Во-вторых, частным случаем соотношения (24б) может служить **синонимическая пара** (23а)–(25):

(25) *Я допускаю, что она это уже разболтала.*

Отсюда вытекает, что в (23а) частица *не* в сочетании *уже не разболтала* включает в свою сферу действия все придаточное предложение, включая частицу *уже*. Такие примеры не единичны, их число легко умножить:

(26) *Трудно себе представить, чтобы к десяти часам вечера они уже не выпили все шампанское* ('трудно себе представить, чтобы к десяти часам вечера не имело места то, что все шампанское уже выпито' ≈ 'скорее всего, к десяти часам вечера они уже выпили все шампанское')⁴.

(27) *Не могу поверить, чтобы к утру итоги выборов уже не были подведены* (≈ 'скорее всего, к утру итоги выборов были уже подведены').

(28) *Редко случается, чтобы в такое позднее время дети уже не легли спать* ('редко бывает так, чтобы в это время не имело места то, что дети уже спят' ≈ 'чаще всего в это время дети уже спят').

⁴ Заметим, что аналогичное явление встречается и в английском языке. Обычно значение 'не (уже P)' выражается с помощью сочетания *not yet*: *He hasn't come yet* – **He hasn't come already*. Однако в контексте типа (23) слова *not* и *already* оказываются вполне сочетающимися: *It is hard to believe that they haven't drunk all the wine already*.

Наличие даже одного этого класса предложений (ниже мы иллюстрируем и другие) говорит о том, что мы имеем дело не с изолированным примером, к тому же вышедшим из-под пера гения, а с вполне живым явлением. Оно состоит в том, что в сочетании *уже не* частица *не* может включать *уже* в свою сферу действия, то есть все сочетание осмысливается как 'неверно, что *уже*'.

Эта позиция, как мы знаем, зарезервирована за частицей *еще*. Недаром во всех обсуждавшихся предложениях *уже* можно заменить на *еще*. Здесь, однако, надо иметь в виду, что варианты с *уже не* и *еще не* синонимичны не полностью. В них сохраняется базовое различие между *уже* и *еще*, о котором мы говорили выше: *уже* сообщает о наступлении нового события, а *еще* – о сохранении старого состояния.

(29а) [= (27)] *Не могу поверить, чтобы к утру итоги выборов уже не были подведены* (= не могу поверить, что не произошло событие "итоги уже подведены").

(29б) *Не могу поверить, чтобы к утру итоги выборов еще не были подведены* (= не могу поверить, чтобы продолжалось состояние "итоги еще не подведены").

Эти примеры ясно показывают, что варианты с *уже* и *еще* устроены принципиально по-разному с точки зрения соотношения частицы со сферой действия отрицания. Обсуждаемое явление – будем называть его инверсией сфер действия *уже* и *не* – может происходить лишь в строго определенных условиях. Нам известно несколько типов контекстов, допускающих это явление и различающихся тем, в сфере действия какого предиката выступает само сочетание *уже не*.

1. Контекст некатегоричного двойного отрицания

Этот тип контекстов иллюстрируют примеры (23а), (26)–(28). Во всех этих случаях выражается положительное, но не категорическое мнение о вероятности или реальности некоторой ситуации, причем делается это с помощью двух отрицаний. Одно из них эксплицитно или имплицитно участвует в формировании отрицательного суждения. *Не уверен, что P; трудно себе представить, чтобы P; редко случается, чтобы P; едва ли P* – все эти выражения представляют собой некатегорическое отрицательное суждение о реальности *P*. Второе – внутреннее отрицание – входит в состав самого *P* (*P* = 'не *Q*'). Таким образом, дважды отрицательные суждения типа *не уверен, что не Q; трудно себе представить, чтобы не Q; редко случается, чтобы не Q; едва ли не Q* по существу выражают положительное суждение типа 'скорее всего, *Q*' или 'допускаю, что *Q*' или 'чаще всего *Q*'. Здесь можно видеть аналогию с правилом снятия двойного отрицания: суждение *неверно, что не Q* логически эквивалентно утверждению *Q*. Именно эта пропозиция *Q*, лежащая ниже обоих отрицаний, и составляет сферу действия частицы *уже* во всех обсуждаемых примерах. То, что двойное отрицание дает утвердительную пропозицию, – не удивительно. Удивительно то, что снятию двойного отрицания не мешает тот факт, что между отрицаниями находится частица *уже*.

Оба свойства предиката, включающего сочетание *уже не* в свою сферу действия, – отрицательность выражаемого им суждения и его некатегоричность – необходимы для того, чтобы отрицание охватывало своей сферой действия частицу *уже*. Если предикат, в сфере действия которого выступает *уже не*, выражает ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ суждение, то интересующее нас явление не возникает. Ср. Примеры (а) и (б) в следующих парах:

(30а) [= (23а)] *Я не уверен, что она этого уже не разболтала.*

(30б) **Я допускаю, что она этого уже не разболтала* (неправильно относительно значения 'я допускаю, что неверно, что она это уже разболтала, т.е. допускаю, что она еще держит язык за зубами').

(31a) [= (26)] *Трудно себе представить, чтобы к десяти часам вечера они уже не выпили все шампанское* ('трудно себе представить, чтобы к десяти часам вечера не имело места то, что все шампанское уже выпито' ≈ 'скорее всего, к десяти часам вечера они уже выпьют все шампанское').

(31б) **Легко себе представить, чтобы к десяти часам вечера они уже не выпили все шампанское* (неправильно относительно значения 'легко себе представить, чтобы к десяти часам вечера не имело места то, что все шампанское уже выпито' ≈ 'скорее всего, к десяти часам вечера они еще не выпьют все шампанское').

(32a) [= (28)] *Редко случается, чтобы в такое позднее время дети уже не легли спать* ('редко бывает так, чтобы в такое позднее время не имело места то, что дети уже спят' ≈ 'чаще всего в это время дети уже спят').

(32б) **Часто случается, чтобы в такое позднее время дети уже не спали* (неправильно относительно значения 'часто бывает так, что в такое позднее время не имеет места то, чтобы дети уже спали' ≈ 'часто в такое позднее время дети еще не спят').

Если отрицательное суждение, включающее в свою сферу действия сочетание *уже не*, категорично, то это также препятствует тому, чтобы соотношение сфер действия слов *уже* и *не* в этом сочетании было нестандартным:

(33) **Неверно (не сомневаюсь), что она это уже не разболтала* (в значении 'она это уже разболтала').

2. Контекст квантора общности

В этом случае так же, как и в предыдущем, необходимо присутствие двух отрицаний, нейтрализующих друг друга: 'не существует такого X, который бы не P' = 'все X-ы P'.

(34) *В медицине не существует метода лечения, который бы уже не был кем-то испробован* (= 'все методы кем-то уже испробованы').

(35) *Не было того естественного предмета или даже свойства, судьбу которого Вермо уже не продумал бы навеки вперед* (А. Платонов. Ювенильное море) (= 'судьбу всех предметов и свойств Вермо уже продумал').

(36) *В этой группе нет ни одного студента, который бы уже не разочаровался в своей будущей профессии* ('все студенты этой группы уже разочаровались в своей будущей профессии').

3. Контекст союза *если*

Представляют интерес предложения двух типов – с ударным и с безударным *уже*. Начнем с безударного. Предложение (37) двужначно. В первом понимании соотношение сфер действия *уже* и *не* стандартное (*не* входит в сферу действия *уже*), а во втором – инвертированное (*уже* входит в сферу действия *не*).

(37) *Он мог бы увлечься Дашей, если бы уже не любил Катю.*

(37a) 'он мог бы увлечься Дашей, если бы P' (где P = 'он уже не любит Катю') = 'он мог бы увлечься Дашей, если бы уже не имела места его любовь к Кате' = '...если бы он уже разлюбил Катю'.

(37б) 'он мог бы увлечься Дашей, если бы не P' (где P = 'он уже любит Катю') = 'он мог бы увлечься Дашей, если бы не имело места то, что он уже полюбил Катю'.

Естественно, что только при второй интерпретации допустима замена *уже* на *еще*:

(38) *Он мог бы увлечься Дашей, если бы он еще не любил Катю.*

Любопытно, что для того, чтобы инверсия сфер действия была возможна, условное предложение должно стоять в сослагательном наклонении. В противном случае возникает только стандартная интерпретация:

(39) *Если он Катю уже не любит, то может случиться все, что угодно.*

Другие примеры обратного соотношения сфер действия *не* и *уже* в контексте *если*:

(40) – *Это бы случилось, отвечал Печорин, – если бы я уже не любил другую* (Лермонтов. Княгиня Лиговская).

(41) *Я бы охотно отдал картину вам, если бы я уже не пообещал подарить ее родителям* = ‘...если бы не произошло то, что я уже пообещал’.

(42) *За этой дверью – если только его уже не убрали – лежал [человек], уронив голову на стол, с впившимися в лицо золотыми дужками очков...* (С. Лем. Дневник, найденный в ванне).

(43) *Кузенков молча смотрел на слугу и уже понимал, что это вовсе не слуга, что он, может быть, зря отослал Лопатова, что его здесь ждали, что нужно немедленно звонить г-ну Коккинаки, если это уже не поздно* (В. Аксенов. Остров Крым).

Если на *уже* падает эмфатическое ударение, то обратное соотношение сфер действия *уже* и *не* также возможно, но в этом случае оно сопровождается некоторыми особенностями.

(44) *Они очень скоро найдут беглеца, если $\downarrow$ уже не нашли* (‘...если не имеет места то, что они его уже нашли’).

(45) *Они и тебе рано или поздно отомстят, если $\downarrow$ уже не отомстили* (Ф. Искандер. Поэт).

Обращает на себя внимание тот факт, что такой контекст не допускает замены *уже* на *еще*.

(46) **Беглеца скоро найдут, если $\downarrow$ еще не нашли.*

Неправильность предложения (46) не может объясняться тем, что *еще не принимает* на себя эмфатическое ударение. Оно на этом слове вполне возможно:

(47) *Он уже не спит? – Как бы не так! Он $\downarrow$ еще не спит.*

Дело здесь в другом. Как мы упоминали выше, синонимия выражения *уже не* (с инвертированной сферой действия) и выражения *еще не* не полная. В них просвечивает базовое различие между *уже* и *еще*, состоящее в том, что первое из этих слов говорит о наступлении нового события, а второе – о сохранении имеющегося состояния (см. выше (29а) и (29б)). В примерах, приводившихся ранее, это различие было на заднем плане, и поэтому были допустимы оба выражения. В контекстах же (43)–(44) сочетание *если уже не* имеет несколько особое значение, отделившееся от условного. Эмфатическое ударение на *уже* маркирует именно наступление нового события, и поэтому *еще* в этой позиции невозможно. Здесь действует общий закон: каким бы слабым ни было различие между синонимичными выражениями и как бы легко оно ни нейтрализовалось, если именно оно попадает в фокус внимания, взаимозаменяемость исчезает. Либо *уже* нельзя заменить на *еще* [см. (46)], либо необходимо пожертвовать эмфазой:

(48) *Она тебя обязательно скоро обманет, если $\downarrow$ уже не обманула.*

(49) *Если она тебя еще не обманула, то обязательно скоро обманет.*

4. Контекст слова *разве*

Слово *разве* также создает достаточный контекст для **инверсии сфер действия**.

(50) *Разве он ее уже не любит?*

(50a) уже (не): 'разве он ее уже разлюбил?'

(50б) не (уже): 'разве не имеет места то, что он ее уже любит? (≈ 'у нас есть основания считать, что он ее уже любит; разве это неправда?')

Замена *уже* на *еще* в интерпретации (50б) вполне возможна и сопровождается обычным смысловым различием, которое мы уже не раз отмечали.

(51) *Разве он ее еще не любит?*

В предложении (51б) задается вопрос 'Разве неправда, что наступило новое событие [он ее уже любит]?'. Вопрос, задаваемый в (51), звучит иначе: 'Разве правда, что продолжается старое состояние [он ее еще не любит]?'

Еще несколько примеров:

(52) *Разве это само по себе уже не чудо?*

(52a) уже (не): 'разве это само по себе уже перестало быть чудом?'

(52б) не (уже): 'разве неверно, что это само по себе уже чудо?'

(53) *Разве он уже не сидел в тюрьме за долги?*

(54) *И если бы даже кого-нибудь вдруг объявили освободившимся и увезли – откуда могли бы мы узнать, что не на расстрел, что не в другую тюрьму, что не за новым сроком? Да спектакль Комиссии разве уже не показал, как это можно все изобразить? Нас и без пересмотра собираются домой распускать* (А. Солженицын).

5. Контекст слова *как бы*

Совершенно особый случай представлен в примере (55):

(55) *Как бы он ненароком уже не потратил все деньги!*

Перифраза (56) показывает, что пропозиция с *уже* в (55) не содержит отрицания:

(56) *Как бы не оказалось так, что он уже потратил все деньги.*

Однако похоже, что явление здесь совсем другое, чем в предыдущих случаях. Более прозрачное представление того же значения дает предложение (57):

(57) *Я опасаюсь (боюсь), как бы он ненароком уже не потратил все деньги.*

Предложение (57), в свою очередь, весьма близко к (58):

(58) *Я опасаюсь (боюсь), что он ненароком уже потратил все деньги.*

Глаголы *опасаться* и *бояться* имеют альтернативное управление: *что* + предложение и *как бы не* + предложение. Отсюда ясно, что сегмент *не* в составе второго варианта управления не семантичен. Это слово не выражает отрицания и поэтому его сочетание с *уже* вообще не имеет отношения к рассматриваемому явлению.

Предложение (55) таким способом описать не удастся. В нем нет элемента, которому можно было бы приписать управление сочетанием *как бы не*. Тем не менее, и в этом случае *не* не выражает отрицания. По-видимому, мы имеем дело с фразеологизованным оборотом *как бы не Р*, который означает 'говорящий опасается, как бы не Р'. В пользу такого описания говорит и то, что здесь невозможна синонимическая замена *уже* на *еще*:

(59) *Как бы он ненароком еще не потратил все деньги!

(60) *Я опасаюсь (боюсь), как бы он ненароком еще не потратил все деньги.

6. Другие контексты

Выше мы говорили, что слово *уже* не может входить в сферу действия отрицания не только в русском, но и во многих других языках. Можно ожидать, что и нарушения этой закономерности обнаружатся не только в русском языке. В сноске 4 мы привели один пример из английского языка, демонстрирующий инверсию сфер действия *уже* и отрицания в тех же условиях, в которых она происходит в русском. Интересно, что набор этих условий в русском и английском языках не совпадает. Контекст, допускающий инверсию в английском языке, но не допускающий в русском, представлен в примерах (61)–(62):

(61) *When the embedded subject is demoted down the hierarchy, it is demoted stepwise, i.e. always to the next-highest position in the hierarchy that has not already been filled.*

(62) *Когда вставленный субъект продвигается вниз по иерархии, это всегда происходит по шагам, то есть субъект всегда продвигается в ближайшую нижележащую позицию, которая еще не заполнена (*которая уже не заполнена) [= для которой неверно, что она уже заполнена].*

5. В ЧЕМ ОШИБКА ПУШКИНА?

Теперь мы можем вернуться к Пушкину и ответить на вопрос, поставленный в начале статьи: как соотносится пушкинский пример с современным русским и каков характер неправильности? Выше мы продемонстрировали, что явление, аналогичное тому, которое мы встретили у Пушкина, живо и сейчас. Пример (1) относится к классу примеров с некатегорическим двойным отрицанием, которое делает возможной инверсию сфер действия отрицательной частицы и слова *уже* в составе оборота *уже не* [ср. выше (23а), (26)–(28)]. Однако есть и то, что отличает эти примеры от (1): у Пушкина предикат отрицательного суждения выражен адвербиалом (*едва ли*), в то время как в современном языке он может быть выражен только предикативной группой.

(61) [= (26)] *Трудно себе представить, чтобы к десяти часам вечера они уже не выпили все шампанское.*

(62) **Едва ли к десяти часам вечера они уже не выпили все шампанское.*

О локальности этого различия между пушкинским примером и современной нормой говорит и то, что другие типы допустимых контекстов могут и сейчас создаваться адвербиалами; ср., например, предложения (52)–(54). Поэтому ясно, почему пушкинский пример хоть и воспринимается современным ухом как не вполне правильный, но эта неправильность не вопиющая. Она связана не с нарушением глубинных правил поведения частиц под отрицанием, а всего лишь с изменением довольно поверхностных ограничений на синтаксический статус предиката.

6. ГИПОТЕЗА

Теперь пора ответить на главный вопрос: в чем же состоит существо наблюдаемого явления? Представленные факты не только противоречат тому, что мы знаем о соотношении частицы *уже* с отрицанием в русском языке, но и не согласуются с мощной типологической закономерностью. Действительно ли они опровергают категорический типологический запрет на структуры типа 'не (уже Р)' и являются исключением из общего правила? Известно, однако, что исключений как таковых быть не должно. Или правило само по себе ошибочно и требует ревизии, или на него наложилось какое-то другое явление, исказившее картину.

Хотелось бы исходить из того, что правило, запрещающее частицам, выражающим оценки, мнения, ожидания говорящего, входить в сферу действия грамматического отрицания, вполне основательное. Это подталкивает нас в сторону того, чтобы искать ключ к решению в статусе отрицания. Как упоминалось в разделе 2 выше, обсуждаемый запрет касается лишь грамматического (адвербиального) отрицания, выражаемого в пределах того же простого предложения, что и пропозиция Р. Предикативное отрицание (*неверно, что*) под действие запрета не подпадает:

(63a) **Он уже не проснулся.*

(63б) *Неверно, что он уже проснулся.*

Гипотеза, которую мы хотели бы предложить для объяснения рассмотренных фактов, состоит в том, что в определенных условиях грамматическое отрицание ведет себя как предикативное. Иными словами, в указанных контекстах предикативное отрицание маскируется под грамматическое.

В самом деле, часто говорящий имеет возможность по-разному провести границу между предложениями. Он может распределить содержание своего высказывания между большим или меньшим числом предложений. Оформить его в виде одного предложения или разбить на два или больше, более простых. Например:

(64a) *Проблема состоит в том, что вследствие резко обострившегося кризиса произошло падение инвестиций.*

(64б) *Проблема состоит в следующем. Кризис резко обострился. Поэтому произошло падение инвестиций.*

Аналогичным образом, более резкую границу между частями можно провести, например, и в предложении (26):

(26) *Трудно себе представить, чтобы к десяти часам вечера они уже не выпили все шампанское.*

(26a) *Трудно себе представить, чтобы не имело место следующее: к десяти часам вечера они уже выпили все шампанское.*

Значение то же самое, но представлено в виде двух предложений. В этом случае никого не удивляет, что отрицание из первого предложения не вызывает замены *уже* на *еще* во втором предложении. Важный признак границы между предложениями – отсутствие внутрипредложенческих явлений.

Таким образом, предложения типа *С Невы мостов уже не сняли* в примере (1) или *Они уже не выпили все шампанское* в примере (26) имеют двойственный характер. С одной стороны, они представляют собой простые монопредикативные предложения с грамматическим отрицанием. Однако одновременно в них проявляется и то, что на глубинном уровне, на котором эксплицируются предикатно-аргументные отношения, отрицание является предикатом более высокого порядка: *Неверно, что с Невы уже сняли мосты; Неверно, что она это уже разболтала*. Подробнее мы будем говорить об этом в разделе 9.

Наша гипотеза будет более обоснованной, если мы покажем, что она имеет аналогии на других уровнях языка. На что это похоже? В какой ряд это можно поместить?

7. ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ САНДХИ КАК ПОГРАНИЧНЫЕ СИГНАЛЫ

Ближайшую аналогию можно обнаружить в области морфонологии. Мы имеем в виду обширную область явлений, происходящих на стыках слов или морфем – так называемые сандхи. Очень хорошо сандхи представлены в санскрите⁵. В этом языке

⁵ Сведения по санскритской грамматике даются по "Грамматическому очерку санскрита" [Зализняк 1987].

отчетливо различаются два типа сандхи: происходящие на стыках словоформ (внешние сандхи) и происходящие на стыках морфем в пределах одной словоформы (внутренние сандхи). К внешним сандхи относятся слияния однородных гласных, озвончение некоторых глухих согласных перед любыми звуками кроме глухих согласных, удвоение конечного *n* и его разновидностей и некоторые другие процессы. Внутренние сандхи состоят в упрощении сочетаний согласных, исчезновении *s* между шумными согласными, церебрализации согласных, изменении гласных и т.п.

В русском языке известный пример внешнего сандхи – оглушение звонких согласных в конце слова: *коров лечение* – (к *Коро*) *влечение*. Если исходно звонкая согласная выступает в глухом варианте, это свидетельствует о том, что после нее проходит граница словоформы.

К внутренним сандхи в русском языке можно отнести смягчение согласных. Оно встречается только внутри слова и на стыке предлога с полнозначным словом. На границе между полнозначными словоформами смягчения не бывает: *друг Игоря* – [друкыгър'ъ].

Для нас будут существенны два факта:

1. Наличие внешнего сандхи или отсутствие внутреннего сандхи там, где его можно было бы ожидать, является сильным положительным пограничным сигналом.

Вспомним, что в морфонологии различаются положительные и отрицательные пограничные сигналы. Положительные пограничные сигналы сообщают о наличии границы. Так, в чешском языке начало слова характеризуется фиксированным ударением, в немецком – криклатом – твердым приступом. Если встретился ударный слог или твердый приступ – ясно: здесь граница. В русском языке *ч* вызывает смягчение предшествующей согласной *н*, но только внутри словоформы: *озвоН'чение* – *звоНчасов*. Отсутствие смягчения *н* перед *ч* в сочетании *звон часов* является сигналом границы между словоформами. Другой пример: сочетание фонем [п'р] внутри слова невозможно, поскольку все теоретически возможные подобные сочетания устраняются по морфологическому правилу отвердения [Чурганова 1973: 27]. Поэтому появление такого сочетания является показателем стыка между словоформами: *сыть рожь*.

Отрицательные пограничные сигналы говорят, что границы нет. Например, в древнегреческом языке в конце слова невозможен шумный согласный кроме *s*. Если встретился такой согласный, можно утверждать, что слово здесь не кончается.

2. Границы, о которых подают сигнал сандхи, не всегда совпадают с границами морфологических словоформ.

Другими словами, морфологические словоформы могут не совпадать с морфонологическими. Это обстоятельство может проявляться двояко. Во-первых, одной морфологической словоформе может соответствовать несколько морфонологических. Это значит, что внутри словоформы происходят внешние сандхи или не происходят внутренние. Во-вторых, одной морфологической словоформе может соответствовать несколько морфологических. В этом случае на границе между словоформами происходят внутренние сандхи или не происходят внешние.

Обратимся опять к санскриту. В этом языке внешние сандхи внутри морфологической словоформы затрагивают такие элементы словоформы, как: 1) основы, входящие в состав сложного слова; 2) превербы (нечто вроде глагольных приставок, занимающих промежуточное положение между аффиксами и самостоятельными словами, поскольку помимо соединения с глагольной или именной основой они могут выступать также как наречия и как предлоги); 3) именные префиксы; 4) некоторые именные окончания; 5) то, что остается от словоформы после вычета этих элементов. Морфологическая словоформа, внутри которой имеются внешние сандхи, не ста-

новится словосочетанием. Она имеет двойственную природу. С точки зрения обычных морфологических критериев, она продолжает быть единой словоформой. Тем не менее, в ней сохраняется шов – след того, что, с некоторой другой точки зрения, она реализует две единицы. "С исторической точки зрения морфонологическое слово отражает более древнее состояние, когда во всех указанных особых случаях были представлены словосочетания" [Зализняк 1972: 50].

В русском языке также можно наблюдать случаи внешнего сандхи внутри словоформы. Наглядный пример – возможное оглушение звонких в сложносокращенных словах типа *завлабораторией*, *завмаг*, *главлит*, *главреж*. Из того факта, что в этих примерах есть оглушение, не следует, что перед нами не слова, а словосочетания, так же, как не следует и то, что правило оглушения звонких неправильно. Просто эти словоформы хранят след своего происхождения из двух самостоятельных слов. То, что одна морфологическая словоформа содержит в себе несколько морфонологических, может маркироваться не только наличием внешних сандхи, но и отсутствием внутренних. Так, в русском языке отсутствие смягчения заднеязычных перед *и* встречается в пределах одной словоформы на стыке приставки с корнем (*сверхидейный*, *двухигровая система*) [Булыгина 1975: 330]. Противоположную ситуацию – слияние нескольких морфологических словоформ в одну морфонологическую – также легко проиллюстрировать. В сочетаниях служебных слов с полными могут отсутствовать внешние сандхи, например, оглушение звонких (*в режиме*), или присутствовать внутренние, например, в сочетании *к кинотеатру* происходит ассимиляция по мягкости (с последующим сокращением), а в сочетании *к игре* допустимо как твердое, так и мягкое произнесение *к*.

Какое отношение все это может иметь к проблеме инверсии сфер действия отрицания и *уже*?

8. "САНДХИ" В СИНТАКСИСЕ

Поскольку лексемы представляют собой элементы лексико-синтаксической структуры предложения, замену одной лексемы на другую в зависимости от синтаксического контекста можно считать синтаксическим процессом.

Мы уже упоминали, что преобразование *уже* в *еще* в сфере действия отрицания – явление, разыгрывающееся только внутри простого предложения. Его можно уподобить внутреннему сандхи, а его отсутствие – пограничному сигналу. Представим себе, что нам нужно выразить значение 'неверно, что он уже спит'. Это можно сделать двумя способами – с помощью сложного предложения и с помощью простого. В первом случае – *Неверно (неправда), что он уже спит* – преобразование *уже* в *еще* нет. Во втором – есть: *Он еще не спит. Уже* заменяется на *еще*, когда оно оказывается в контексте отрицания в пределах одного простого предложения. Если отрицание и *уже* находятся в разных простых предложениях (в этом случае отрицание реализуется как *неверно, что*), этого преобразования не происходит. Таким образом, отсутствие преобразования *уже* в *еще* – пограничный сигнал (если использовать фонологические термины).

Особенность предложений с инверсией сфер действия состоит в их двойственной природе. С одной стороны, отрицание находится в них в том же простом предложении, что и отрицаемая пропозиция (в этом случае оно реализуется посредством частицы *не*). С другой стороны, оно ведет себя так, как ведет себя *неверно, что*, отделенное от своей сферы действия границей главного и придаточного предложений. А именно: это отрицание не вызывает преобразования *уже* в *еще*. Отсутствие этого преобразования служит положительным пограничным сигналом: между *не* и *уже*

проходит некоторая граница, шов, аналогично тому, как отсутствие смягчения согласного в словах *сверхидейный*, *двухигровой* или *постельцинский* (= *постельцинский*) или наличие оглушения в словоформах типа *главбух* или *завмаг* свидетельствует о том, что внутри этих словоформ есть скрытая граница. Слова типа *сверхидейный* хранят след автономности своих компонентов, проявляющийся в блокировании внутреннего сандхи. Точно таким же способом – отсутствием внутреннего сандхи – выдают свою полипредикативную природу предложения с инверсией сфер действия. Так же, как автономность компонентов слов типа *сверхидейный* пробивается сквозь оболочку цельной словоформы, полипредикативность предложений с инверсией сфер действия обнаруживается уже на уровне синтаксиса, где они представлены в виде безобидного простого предложения.

9. ПОЛИПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

На интересующее нас явление можно посмотреть и в несколько более широкой перспективе. Как известно, пропозиция⁶ семантической структуры далеко не всегда приобретает в синтаксической структуре статус отдельного предложения. Часто ее статус понижается, и она реализуется либо в виде неличного глагольного оборота, либо подвергается номинализации, адвербиализации, адъективации, грамматикализации и т.п. В результате этих процессов соотношение между семантической и синтаксической структурами в значительной степени затемняется. То, что на поверхностном уровне предстает как плоское простое предложение, зачастую скрывает в себе несколько пропозиций, границы между которыми могут оказаться размытыми. Дело осложняется тем, что предикатное слово в синтаксической структуре может маскировать свой статус и обнаруживать несвойственные себе черты.

С этой точки зрения представляют интерес каузативные конструкции в романских языках. Не имея возможности входить в эту проблематику сколько-нибудь подробно, мы очертим интересующий нас аспект предельно схематично. Способы выражения каузации в синтаксической структуре варьируются в широком спектре. Максимальный параллелизм с семантической структурой обнаруживают построения, в которых значения каузации и каузированного события выражаются в разных личных предложениях, например: *Взрыв привел к тому, что была нарушена герметичность салона*. На противоположном полюсе находятся случаи, в которых эти два значения выражены в пределах одного слова: *Он убедил меня в правильности сделанного выбора* (*убедил* ≈ 'сделал так, что я согласился'). Промежуточное положение занимают конструкции с каузативным глаголом, в которых значение каузации выражено самостоятельно, но не образует отдельного личного предложения: *Взрыв привел к аварии. Он заставил меня признать его правоту*.

В романских языках стандартным способом выражения значения каузации является каузативный глагол. Глядя на предложение типа *Je ferait courir Henriette* 'я заставил Генриетту бежать', мы видим два самостоятельных глагола – каузативный *faire* и полнозначный *courir*. Однако не раз отмечалось, что закономерности, наблюдаемые в подобных конструкциях, разительно схожи с тем, что происходит, когда каузативный элемент и полнозначный глагол слиты воедино. Например, именные группы, входящие в состав этой двуглагольной конструкции, с точки зрения всех критериев ведут себя как соподчиненные [Davies, Rosen 1988]. Это дает основания говорить, что даже тогда, когда в предложении выступает самостоятельный глагол со значением каузации, он по существу лишается своей самостоятельности и по своему поведению сближается с аффиксом [Comrie 1976; Zubizaretta 1985; Davies, Rosen 1988]. Как пишет Б. Комри, "хотя во французской конструкции

⁶ Под пропозицией мы будем понимать фрагмент семантической структуры, состоящий из предиката и его аргументов.

выступают два спрягаемых глагола, которые в определенных обстоятельствах даже могут быть разделены другими словами, тем не менее эти два глагола во многих отношениях функционируют как цельная единица" [Comrie 1976: 262].

Посмотрим теперь с единой точки зрения на каузативные конструкции и на отрицательные предложения, которые мы обсуждали в предыдущих разделах. В обоих случаях в семантической структуре имеется полипредикативная конструкция, в которой верхний предикат (каузатив, отрицание) подчиняет пропозицию. В синтаксической структуре эта конструкция воплощается в виде простого предложения, в котором верхний предикат семантической структуры выражен самостоятельным словом (глаголом *faire*, частицей *ne*). В обоих случаях это слово маскирует свою истинную природу и проявляет себя не так, как этого можно было бы ожидать. Однако происходит это принципиально по-разному, как бы в противоположных направлениях. Глагол *faire* движется в сторону дальнейшего понижения своего статуса и принимает поведение аффикса. Частица *ne*, наоборот, "становится на цыпочки" и ведет себя так, как пристало только глаголу подчиняющего предложения. Это проявляется в том, что отсутствует явление, обязательное внутри простого предложения, – мена уже на еще. Благодаря этому и оказалась возможной инверсия сфер действия частиц *уже* и *не*, столь интригующе проявившаяся в "Медном всаднике"⁷.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1974 – Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Богуславский И.М. 1990 – Внешняя и внутренняя сфера действия некоторых темпоральных обстоятельств // Z. Saloni (red.). *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białystok, 1990.
- Богуславский И.М. 1996 – Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Булыгина Т.В. 1975 – Проблемы теории и практики морфонологического описания // ИАН СЛЯ. 1975. № 4.
- Зализняк А.А. 1972 – Из древнеиндийской морфонологии // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы. М., 1972.
- Зализняк А.А. 1987 – Грамматический очерк санскрита // В.А. Кочергина Санскритско-русский словарь. Изд. 2-е. М., 1987 (1 изд. – 1978).
- Падучева Е.В. 1990 – Отрицание // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Чурганова В.Г. 1973 – Очерк русской морфонологии. М., 1973.
- Comrie B. 1976 – The syntax of causative constructions: cross-language similarities and divergencies // M. Shibatani (ed.) *Syntax and semantics*, V. 6. The grammar of causative constructions. 1976.
- Davies W., Rosen C. 1988 – Unions as multi-predicate clauses // *Language*. 1988. V. 64. № 1.
- van Baar T. 1997 – Phasal Polarity. *Studies in language and use*. Amsterdam, 1997.
- van der Auwera J. 1993 – *Already and still: beyond duality* // *Linguistics and philosophy* 16 (1993).
- van der Auwera J. 1998 – Phasal adverbials in the languages of Europe // J. van der Auwera (ed.), *Adverbial constructions in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. XVIII.
- Zubizarreta M.L. 1985 – The relation between morphophonology and morphosyntax: The case of Romance causatives // *Linguistic Inquiry*. V. 16. № 2. 1985.

⁷ При подготовке этой работы я имел возможность обсуждать ее с Н.Д. Арутюновой, А. Барентсеном, О.Ю. Богуславской, Д. Вайссом, Д.О. Добровольским, Л.Л. Иомдиным, Л. Куликовым и Е.В. Падучевой. Я благодарен этим коллегам за высказанные замечания и советы.